

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ДИСКУРСИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ ГОВОРЯЩЕГО

С позиций когнитивно-дискурсивного подхода в статье рассмотрены типы дистанцирования говорящего в англоязычном диалогическом дискурсе. Выявлена коррелятивная зависимость между когнитивными операциями схематизации и дистанцирования как разновидностью перспективизации. Очерчен манипулятивный потенциал дистанцирования.

Ключевые слова: дистанцирование говорящего, когнитивно-дискурсивный подход, когнитивные операции схематизации и перспективизации, манипулятивный потенциал дистанцирования

Морозова О.І. Лінгвокогнітивні механізми та дискурсивні ефекти дистанціювання мовця. З позицій когнітивно-дискурсивного підходу у статті розглянуто типи дистанціювання мовця в англomовному діалогічному дискурсі. Виявлено корелятивну залежність між когнітивними операціями схематизації та дистанціювання як різновиду перспективізації. Окреслено маніпулятивний потенціал дистанціювання.

Ключові слова: дистанціювання мовця, когнітивно-дискурсивний підхід, когнітивні операції схематизації та перспективізації, маніпулятивний потенціал дистанціювання

Morozova O.I. *Linguistic / Cognitive Mechanisms and Discourse Effects of Speaker's Distancing.* This article considers in a cognitive / discursive perspective types of the speaker's distancing in English dialogical discourse. The correlation between schematicity and distancing as a variety of perspectivization is established. Manipulative potential of distancing is outlined.

Key words: speaker's distancing, cognitive / discursive approach, cognitive operations of schematization and perspectivization, manipulative potential of distancing

Типовая ситуация общения может быть формализована как «Я • СООБЩАЮ • НЕЧТО • ТЕБЕ • ЗДЕСЬ • СЕЙЧАС». Всякого рода отклонения от этого эталона связаны с изменениями в способе конструирования содержания высказывания участниками коммуникации. Одним из видов отклонения является дистанцирование говорящего, при котором он может увеличивать или уменьшать психологическое расстояние между собой и собеседником, отстраняться от содержания своего высказывания или, наоборот, подчеркивать свою причастность к нему и т.п. Для этого он определенным образом организует передаваемую вербально и / или невербально информацию. Целью дистанцирования говорящего является оказание ним влияния на интерпретацию слушающим сообщаемой ему информации и, в конечном счете, на его поведение (речевое и / или неречевое).

Объектом данного исследования являются высказывания, посредством которых дистанцируется участник англоязычного диалогического общения, а **предметом** – его лингвокогнитивные механизмы и дискурсивные эффекты. Соответственно, **цель** исследования состоит в выявлении лингвокогнитивных механизмов дистанцирования и его дискурсивных эффектов. В соответствии с **задачами** исследования, изложение материала организовано следующим образом. Вначале освещаются принципы когнитивно-дискурсивного подхода, в русле которого выполнено данное исследование, затем определяются понятия, используемые при анализе объекта с данной теоретико-методологической позиции, далее детализируется понятие дистанцирования и систематизируются его разновидности, после этого рассматриваются когнитивные механизмы, выявляется корреляция между когнитивными операциями дистанцирования и схематизации и, наконец, раскрывается манипулятивный потенциал дистанцирования.

Когнитивно-дискурсивная версия когнитивной лингвистики [Кубрякова 2004, с. 519, 525] ставит во главу угла взаимодействие когнитивной и дискурсивной (коммуникативной) функций, ментального и социокультурного, индивидуального и коллективного в процессе использования языка. Отличительной чертой когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания выступает ее интегративность, предполагающая возникновение

нового качества из соединения когнитивных и коммуникативных характеристик исследуемого объекта.

Начавшая формироваться в лингвистике во второй половине 90-х гг. XX в. [Кубрякова 2008, с. 13], когнитивно-дискурсивная парадигма демонстрирует качественно иные черты по сравнению с парадигмой когнитивной. Различия между этими версиями когнитивной лингвистики касаются, в первую очередь, понимания природы значения. В когнитивистике данная проблема обсуждается в терминах **ментальной репрезентации** как отражения действительности в сознании человека. Ментальные репрезентации, по определению Т. В. Черниговской, – это «гипотезы высшей степени абстракции, лежащие в основании картины мира» [Черниговская 2012а, с. 5]

В хронологически более ранней версии когнитивной семантики ментальная репрезентация трактуется как стабильная символическая структура, содержание которой понятно вне контекста. Значение, соответственно, понимается как константная ментальная сущность, которая хранится в памяти человека «в готовом виде» и извлекается оттуда при употреблении соответствующей языковой формы. Ментальные процессы, в свою очередь, сводятся к манипулированию ментальными репрезентациями и регулируются набором врожденных правил. Данную разновидность когнитивной семантики называют **символьной**.

Представители альтернативного подхода к трактовке ментальной репрезентации полагают, что ментальная репрезентация соответствует паттерну активации нейронной сети, который характеризуется лишь относительной стабильностью. Главная особенность нашего сознания и обеспечивающей его памяти, подчеркивает Т. В. Черниговская, состоит в том, что память – не коробка с фактами, картинками или текстами и не «библиотека», а процесс, всегда новый, обеспечивающийся работой миллионов клеток, всегда разных. Ментальная репрезентация подобна джем-сессии (музыкального действа, участники которого играют без особых приготовлений или предварительной программы): какие-то нейроны на какое-то время «собираются» в одном месте, чтобы выполнить свою работу, а затем вновь «разъезжаются» [Черниговская 2012б, с. 4]. Согласно пониманию ментальной репрезентации как ментальной симуляции, ни слова, ни предложения значением изначально не обладают: носители языка, использующие эти единицы, конструируют значения, используя свойства языковых элементов как своеобразные подсказки (*partial clues*), наряду с имеющимся у них энциклопедическим знанием, контекстной информацией, предположениями относительно направления мыслей слушающих и т.д. [Croft 2004, с. 8]. Ментальные процессы, соответственно, понимаются как распространение активации по нейронной сети. Эту разновидность когнитивной семантики называют **субсимвольной (коннекционистской)**.

Трактовка значения языковой единицы в субсимвольной когнитивной семантике основывается на том, что понимание содержания языковой единицы требует обращения к широкому контексту. Следствием принятия этой точки зрения является признание невозможности интерпретировать значение языковой единицы вне контекста в самом широком смысле, понимаемого не только как когнитивный контекст, но и как контекст экзистенциальный, социальный, культурный. Именно такое понимание природы значения – как смысла, конструируемого в ситуации использования языковой единицы, – представляется нам наиболее созвучным принципам когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языка.

Специфика когнитивно-дискурсивного подхода отчетливо проявляется на уровне описания его процедур, в которых используются понятия и категории, присущие динамическому стилю мышления, который смещает акценты в исследовании языка в его «первичной данности» (дискурсе): на первый план выступает то, *как* сконструирован смысл высказывания (кто говорит, при каких обстоятельствах, почему именно так, а не иначе), а не то, *что* представляет собой высказывание (его содержание, правила построения и т.п.).

Ключевым среди понятий, которыми оперирует динамическое мышление, и является конструирование (от англ. *construe* – понять смысл; установить значение). Термин **«конструирование»** употребляется в когнитивной и социальной психологии, философии,

культурологии, теории коммуникации, а также когнитивной лингвистике для объяснения того, как мы воспринимаем мир, понимаем смысл происходящего и / или сообщаемого.

Т. В. Черниговская поясняет природу продуктов восприятия – образов и представлений – следующим образом: это не копии и даже не сумма физических сигналов, поступающих на наши рецепторы. Их строит наш мозг [Черниговская 2012б, с. 5]. Определить, что в образе или представлении относится к воспринимаемому нами миру, а что является порождением нашего сознания, весьма сложно. Специфика объектов современного социально-гуманитарного познания состоит в том, что их невозможно постичь безотносительно субъектов восприятия. В когнитивной лингвистике на этом методологическом положении базируется понятие конструирования.

Р. Ленекер объясняет данное понятие с помощью «визуальной» метафоры, уподобляя содержание языковой единицы наблюдаемой сцене, а конструирование – тому, как мы на эту сцену смотрим [Langacker 2008, с. 55]. Понимание смысла языковой единицы предполагает уяснение не только соответствующего концептуального содержания, но и того, каким образом это содержание сконструировано субъектами, использующими данную единицу в своей речемыследеятельности (дискурсе).

Р. Ленекер выделяет четыре «измерения» (*dimensions*) конструирования [там же], соответствующие следующим характеристикам способа «наблюдения сцены» (конструирования):

- (1) насколько детально мы эту сцену рассматриваем (*specificity / granularity / resolution* vs. *schematicity* – спецификация / детализация / разрешение vs. схематизация / обобщение);
- (2) на что мы смотрим (*focusing* – фокусировка);
- (3) какие элементы сцены мы выделяем особо (*prominence / salience* – проминантность / (когнитивная) выпуклость);
- (4) откуда мы наблюдаем сцену (*perspective* – перспектива).

Вслед за С. А. Жаботинской, мы будем далее употреблять по отношению к «измерениям» конструирования термин «когнитивные операции» [Жаботинская 2009, с. 3] (как вариант – «операции конструирования»). Принимая предложенную Р. Ленекером систему за основу, рассмотрим детальнее те когнитивные операции и их аспекты, которые важны при конструировании смысла высказывания в целом, а не только значения отдельных лексических единиц в его составе.

Фокусировка предполагает выбор субъектом концептуального содержания для языкового представления, что проявляется как соотнесение фона и фигуры (*figure* vs. *ground*) [Langacker 2008, с. 58]. Идея **фона и фигуры** как целостной структуры, лежащей в основе всякого восприятия, берет свое начало в гештальтпсихологии. Все, что воспринимается каким-либо осмысленным образом, воспринимается как фигура на фоне, причем это соотношение может меняться: то, что виделось как фигура, может вытесняться на задний план, становясь фоном и давая возможность выделиться другой фигуре. Фон не является чем-то скрытым; в то же время он, по определению, не замечается, поскольку выступает как условие, придающее смысловую определенность фигуре [Волков 2008, с. 18].

Подчеркнем, что понятие фона отличается от понятия контекста (по крайней мере, в трактовке, принятой в 60-70-х гг. XX в.). Во-первых, понятие контекста традиционно предполагает соотношение элементов, расположенных в одной плоскости, тогда как понятие фона акцентирует глубинное видение объекта, связанное с отношением фигуры на переднем плане и фона, который составляет задний план. Во-вторых, понятие фона, в отличие от контекста, динамично: фон представляет собой открытое множество элементов, или «форм жизни», по Л. Витгенштейну, задающее условия осмысленности повседневного языка. «Как можно описать человеческое поведение? Несомненно, лишь показав все разнообразие человеческих действий в их полном смешении. Не то, что *один* человек делает в *данный момент*, а вся сумятица [действий] образует тот фон, на котором мы видим любое действие и который задает наши суждения, наши понятия и наши реакции» [Wittgenstein 1980, с. 97]. Таким образом, при рассмотрении с позиций когнитивно-дискурсивного подхода **фон**

предстает как динамический объемный контекст, в котором интерпретируется языковая единица (слово, словосочетание, высказывание, текст).

Различение фона и фигуры имеет многочисленные манифестации в дискурсе (см. об этом подробнее [Langacker 2008, с. 58, 460]), одна из которых представляет особую важность в свете задач настоящего исследования: это дифференциация типов ситуаций, а точнее, разграничение коммуникативной и предметной ситуаций. Р. Ленекер [Langacker 2001, с. 144] поясняет это различие следующим образом. При рассмотрении с когнитивных позиций коммуникация предстает как согласование взглядов коммуникантов на мир путем обмена сообщениями. Образно говоря, это создание «объектива», через который коммуниканты вместе смотрят на некий фрагмент действительности. То, что оказывается «в объективе», представляет собой референтную ситуацию, а то, что находится за его пределами – коммуникативную. Очевидно, что **референтная** ситуация выступает как фигура, а **коммуникативная** – как фон (существенно то, что частью фона является и сам субъект восприятия / наблюдатель). Референтная и коммуникативная ситуации относятся к сфере сознания, представляя собой абстрактные конструкторы. Основные составляющие референтной ситуации получают эксплицитное воплощение в высказывании, а компоненты коммуникативной ситуации оказывают опосредованное влияние на формирование вербального сообщения, т.е. представлены в нем имплицитно.

Поскольку действительностью является и сама коммуникация, то «объектив» может быть наведен и на тот или иной аспект взаимодействия участников коммуникации, что представляет собой особую разновидность фокусировки внимания; Р. Ленекер подчеркивает, что эта разновидность коммуникативного взаимодействия имеет «привилегированный» статус [там же, с. 145]. В силу этого нам представляется целесообразным разграничить такие типы референтной ситуации, как **предметная** ситуация и **метакоммуникативная** ситуация.

Метакоммуникативная ситуация представляет собой источник важной информации об особенностях протекания коммуникации, но при этом она, подчеркнем, не является фоном, в отличие от коммуникативной ситуации. Когда мы пытаемся описать коммуникативную ситуацию как объект, она изменяет свою сущность, перестает быть фоном, поскольку перемещается в фокус внимания сознания, выходит на передний план, т.е. становится метакоммуникативной ситуацией. Таким образом, вербализовать знание о коммуникативной ситуации вполне возможно, но такое знание не является, строго говоря, знанием о коммуникативном фоне.

Итак, коммуникативный фон оказывает существенное влияние на выбор лексических структур, грамматических средств и фонетического оформления высказывания. Каким способом можно изучать эту фоновую реальность, представляющую собой факт сознания, оказывающий воздействие на формирование высказывания? Для выявления фоновых характеристик высказываний, посредством которых субъект пытается ввести собеседника в заблуждение, нами ранее использовался метод контрастов (дистинкций) [Морозова 2011]. В данной работе представлена попытка применения с аналогичной целью к анализу иного дискурсивного материала метода корреляций, суть которого состоит в выявлении взаимозависимости таких когнитивных операций, как спецификация и дистанцирование (как разновидность перспективизации).

Рассмотрим эти когнитивные операции детальнее. Очевидно, что одна и та же ситуация действительности или ее фрагмент могут быть изображены в общих чертах (схематично, в отвлеченно-упрощенном виде) или в деталях (подробно, конкретно). Степень детализации при представлении ситуации языковыми средствами определяет когнитивная операция **спецификации** [Langacker 2008, с. 55], обратной стороной которой является **схематизация**. Степень детальности / схематичности представления объекта может варьировать в весьма широком диапазоне.

Подчеркнем, что схема непременно присутствует в любом изображении ситуации, даже в ее конкретном описании [там же, с. 56], поскольку именно она определяет идентичность объекта, правомерность его отнесения к тому или иному классу. Схемные

объекты упрощеннее, однозначнее, чем конкретные: из них удалено несущественное. Называющие их имена обозначают «меру, которую разум прикладывает к действительности, формируя разные пласты реальности» [Чернейко 1987, с. 7]. Это «своего рода 'точка зрения' языка на мир, становящаяся в дискурсе точкой зрения говорящего и выражающаяся самим выбором имени и его комбинацией с другими знаками» [там же].

Точка зрения говорящего (в когнитивной грамматике Р. Ленекера – «**точка обзора**» (*vantage point*) [Langacker 2008, с. 73]) является важной составляющей такой операции конструирования, как **перспективизация** (у Р. Ленекера – также «аранжировка обзора» (*viewing arrangement*) [там же]). Перспективизация представляет собой соотнесение наблюдателей (в первую очередь, говорящего и слушающего) с предметной ситуацией.

Понятие перспективизации / аранжировки обзора соотносимо с понятием модели коммуникативной ситуации, характеризующейся конечным перечнем статичных компонентов, однако, в отличие от нее, перспективизация представляет собой ситуативный конструкт, отличающийся динамичностью и открытостью перечня своих составляющих.

Типовая аранжировка обзора предполагает непосредственный контакт двух коммуникантов (Я и Ты), сообщая наблюдающих ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС некую ситуацию, соответствующую содержанию высказывания (НЕЧТО). Такая аранжировка обзора имеет статус «по умолчанию» [Langacker 2008, с. 74]. Любые отклонения от нее сопряжены с изменением формы и содержания высказывания, а также с производимым этим высказыванием эффектом. Одна из линий возможных изменений типовой аранжировки обзора – уменьшение / увеличение психологического расстояния между говорящим и его сообщением / собеседником / ситуацией общения в целом.

В теории коммуникации и психологии эта проблематика обсуждается в терминах «вовлеченности» / «отстраненности» говорящего (*immediacy* / *non-immediacy*) [Mehrabian 1966]. **Вовлеченность / отстраненность** представляет собой «разновидность языкового варьирования, посредством которого говорящий выражает свое отношение к референтам коммуникации» [Feldstein 1980, с. 3] (под референтами коммуникации здесь понимаются такие составляющие типовой ситуации, как ТЫ, НЕЧТО, МЕСТО, ВРЕМЯ). Вовлеченность / отстраненность – эгоцентрическое понятие, поскольку «точкой отсчета» в системе ориентации субъекта является *Origo* (термин К. Бюлера), исходная точка координат «ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС – Я». Термин «вовлеченность / отстраненность» был введен в научный обиход почти полвека тому назад, но и сегодня обозначаемое им явление продолжает привлекать исследователей, работающих в разных гуманитарных науках [Bradac 1979; Feldstein 1980; Тропе 2010; Wiener 1968, etc.]. К числу наиболее релевантных в лингвистическом плане работ в этой области относятся публикации А. П. Фельдштейна и Р. Т. Крега [Feldstein 1980], М. Винера и А. Мерабиана [Wiener 1968].

Употребляемый в настоящей работе термин «**дистанцирование**» близок по своему содержанию к термину «вовлеченность / отстраненность», но не тождественен ему. Вовлеченность / отстраненность говорящего означает психологическую приближенность / отдаленность субъекта от прочих составляющих коммуникативной ситуации, понимаемой как статичная модель, тогда как термин «дистанцирование» акцентирует способ динамического конструирования ситуации. Помимо этого, термин «вовлеченность / отстраненность» лишен активного динамического начала, присутствующего в термине «дистанцирование». В силу этого, термин «дистанцирование», как представляется, более адекватно отражает природу исследуемого дискурсивного явления и предлагаемый подход к его анализу. И последнее: в отличие от термина «вовлеченность / отстраненность», он является однословным, хотя предполагается, что дистанцирование может реализоваться в дискурсе как удаление или приближение.

Понятие дистанцирования связано со вторичной реальностью – интерпретирующего характера. Ментальные сущности такого рода Н.Н. Болдырев называет модусными [Болдырев 2009, с. 45-49]. Подобно другим модусным категориям (оценка, отрицание,

эвиденциальность и т.п.), дистанцирование имеет зависимый от других ментальных сущностей, реляционный характер.

В соответствии с соотношением центрального элемента коммуникативной ситуации (Я) с ее основными другими составляющими (ТЫ, НЕЧТО / СООБЩЕНИЕ, ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС), выделяются четыре «измерения» (ср. [Trope 2010, с. 440-441]) дистанцирования говорящего:

(а) во временном пространстве (Я • СЕЙЧАС → ТОГДА / ПОТОМ);

(б) в физическом пространстве (Я • ЗДЕСЬ → ТАМ);

(в) в социальном пространстве (Я → ОН / ОНА / ОНИ);

(г) в гипотетическом пространстве / в ином «возможном мире» (Я • В РЕАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ → В ВОЗМОЖНОЙ СИТУАЦИИ).

Проиллюстрируем эти способы дистанцирования примерами:

(а) дистанцирование по временному параметру:

- *What's up with you, Nick? <...>*

- *Not at this time of the morning. Please* (Fowles: 603).

Не желая объяснять, в чем дело, адресат (Ник) предлагает отложить обсуждение неприятного для него предмета на неопределенное время в будущем, тем самым эксплицитно дистанцируясь от соответствующего сообщения по временному параметру.

"Does that mean you accept my apology?"

"I'm thinking about it," he called back from the kitchen (Roberts: 203).

Здесь дистанцирование по временному параметру осуществляется не прямо, а путем экспликации говорящим своего когнитивного состояния: очевидно, что пребывание субъекта в процессе принятия решения предполагает отсрочку этого решения.

(б) дистанцирование в физическом пространстве, как правило, сопутствует дистанцированию во времени, например:

"What? How did they drive out?"

"I can't go into the specifics on the phone <...>" (Brown: 224).

Заявляя о том, что не может вдаваться в подробности по телефону (ЗДЕСЬ), говорящий тем самым предполагает, что не может сообщить детали в тот момент, когда происходит разговор (СЕЙЧАС).

(в) дистанцирование в социальном пространстве, например:

"I am sorry," he wrote, "that you got the impression that Molly and I were behaving improperly in the kitchen on the night of our party. Jennie was very upset. She does not, of course, doubt my fidelity, but she is distressed that you could suggest such a thing. It was very embarrassing for Jenny to hear it in front of all her friends? And I hope, for Jenny's sake, that you will not mention to her that I have written to you about it" (Spark: 93).

Автор письма, которое, по сути, является извещением о разрыве личных отношений, дистанцируется от ситуации, говоря не о своем отношении к происшедшему, а о чувствах жены (Jennie), имплицитно тем самым, что не он виноват в разрыве (Я → ОНА).

"May I call you Nicholas now?" I turned from her: went to the sofa-table, stared at the photos there. "Very well. I will not ask again" (Fowles: 605).

Этот фрагмент иллюстрирует дистанцирование в социальном пространстве, осуществляемое посредством использования невербальных средств. Не желая сокращать социальную дистанцию между собой и собеседницей, предложившей ему перейти на «ты», субъект демонстрирует это путем определенного положения в физическом пространстве – поворачивается к ней спиной, отходит в сторону и разглядывает фотографии.

(г) дистанцирование в гипотетическом пространстве, например:

Helicopter takeoff wasn't as simple as Play Station portrayed it, Charlie thought, or even as simple as an Apollo launch. Unless one of Drummond's blocked mental channels was to blame.

"Would there be a way to speed things up," Charlie asked, "if, say, hypothetically, more bad guys were about to show up any second and shoot at us?"

Drummond tapped the temperature gauge. "Overheating during the start can cause catastrophic engine failure, which would be worse" (Thompson: 20).

Диалог разворачивается в ситуации, где двое беглецов, пытаясь спастись от преследователей, захватывают вертолет. Только один из них умеет им управлять. Он, однако, медлит со взлетом, несмотря на критичность ситуации. Второй беглец, не имеющий соответствующих навыков, пытается поторопить его, причем делает это предельно вежливо, представляя критические последствия каждой секунды промедления как гипотетическую ситуацию (алетическая модальность возможности). Дистанцирование в данном случае служит цели смягчения бестактности его вмешательства [Brown 1987, с. 15].

"If you are both at liberty tomorrow evening, why not come and dine, and drink my health upon my birthday?"

He paused. "I am not certain if we are free," he said. "I will at any rate send word to you by noon." I could see plainly he had little wish to come and see us, and had some embarrassment in refusing my invitation (Du Maurier: 222).

Один из участников вышеприведенного диалога не хочет принимать приглашение собеседника на празднование дня рождения, но при этом испытывает неловкость, поскольку не может отказаться прямо. Пытаясь избежать явной лжи (мы заняты), он эксплицирует свое когнитивное состояние (*I am not certain if we are free* – я не уверен, что мы свободны), перенося тем самым причину, по которой он якобы не может прийти (занятость), в возможный мир эпистемической модальности. Далее говорящий также дистанцируется по временному параметру (*I will <...> send word to you by noon* – Я сообщу Вам к полудню).

Гипотетическое пространство может быть создано и с помощью невербальных коммуникативных средств, например:

"What's to lose by calling them?"

Drummond's eyes widened in alarm. "On the telephone?"

"<...> How about if we have the kid over there speak for us?"

Drummond shrugged. Which was better than a no (Thompson: 24).

Пожимание плечами в ответ на вопрос в англоязычных культурах не воспринимается как согласие, однако не является и отказом. Спрашивающий, получив такого рода ответ, оказывается в ситуации неопределенности. В рассматриваемой ситуации субъект, к которому обращен вопрос, уходит от ответа путем дистанцирования, осуществляемого невербально.

В процессе социального и телесного взаимодействия человека с окружающей средой в его сознании возникают структуры, служащие целям динамической организации его перцептивного и моторного опыта – образ-схемы / схемные образы (*image-schemas*) [Johnson 1987; Lakoff 1987]. Эти структуры принадлежат к уровню ментальной организации, являющемуся промежуточным между абстрактными пропозициональными структурами и конкретными образами [Johnson 1987, с. 29].

Перечень образ-схем является открытым, как и перечень их разновидностей. Отметим, что в списке образ-схем, приведенном в одном из наиболее авторитетных на сегодняшний день монографических изданий по данной проблематике [Hampe 2005, с. 2-3], нет образ-схемы, соответствующей видению. Однако Р. Ленекер, который интенсивно задействует образ-схемный анализ в своей когнитивно-грамматической теории, считает, что зрительное восприятие играет столь основополагающую роль в деятельности человека, что видение (SEEING SOMETHING) по праву относится к особой разновидности образ-схем – концептуальным архетипам [Langacker 2008, с. 33-34].

Рассмотрим, какого рода телесный опыт лежит в основе дистанцирования, вернувшись к ленекеровской «визуальной» метафоре объектива, посредством которой ученый объясняет природу коммуникации [Langacker 2001, с. 143-144]. Образ-схемным аналогом психологической вовлеченности является фокусировка объектива на предмете, «наплыв» на него. Схемным образом, соотносимым с психологическим отстранением говорящего, напротив, является помеха, препятствующая его наблюдению некоего предмета через объектив совместно с партнером по коммуникации. Эта помеха возникает в том случае, если состояние или направленность объектива отклоняются от ситуации «по умолчанию». Возможны три вида отклонений:

(а) «объектив закрыт» (запрашиваемая информация не дается);

(б) «объектив смещен» (взамен запрашиваемой информации о предмете дается какая-либо другая информация или же информация о другом предмете);

(в) «объектив расфокусирован» (запрашиваемая информация дается в общем виде, без необходимых деталей, или, наоборот, с излишними деталями).

Проиллюстрируем эти разновидности дистанцирования примерами.

(а) «закрытие объектива» может осуществляться путем применения ряда дискурсивных тактик, таких как умолчание и эксплицитный отказ от сообщения информации.

Умолчание может быть проиллюстрировано следующим примером:

"He's not been translated. But he will be."

"By you?"

"Well ..." *I let her think I had hopes* (Fowles: 593).

Здесь умолчание (уклончивость) служит средством дистанцирования говорящего субъекта от предмета обсуждения, что вызвано его нежеланием связывать себя обещанием перевести произведения некоего автора. При этом, однако, недоговоренность в данной ситуации красноречива: он дает собеседнице понять, что собирается это сделать.

Отказ от сообщения информации может быть выражен эксплицитно, с помощью таких утверждений, как *не знаю, не помню, забыл, не могу объяснить* и т.п. Если информация такого рода выражена ассерторически, то речевое действие говорящего может быть расценено как ложь, например:

"Where is some rope?"

"I don't know."

"Yes you do."

"It's in the stable" (Le Carre: 79).

Человек, к которому обращен вопрос, вначале отказывается сообщить запрашиваемую информацию (психологическое удаление от собеседника, от запрашиваемой информации), но затем, будучи уличенным в неискренности, вынужден эту информацию предоставить.

"What did you say?"

"Nothing. Just talking to myself" (Roberts: 122).

В данном случае участник диалога отказывается повторить сказанное ранее и говорит неправду, утверждая, что просто разговаривал сам с собой (дистанцирование от адресата).

Однако незнание или забывчивость могут и пресуппонироваться, подразумеваться. В этом случае имеет место притворство, например:

"Can you remember one thing – his playing the harpsichord as well as the piano?"

"The harpsichord is the plonkety-plonk one?" *I nodded, but she shook her head* (Fowles: 589).

Здесь субъект вначале дистанцируется от обсуждаемой темы путем встречного вопроса, уточняющего, что такое клавесин. Пресуппозицией этого вопроса является отсутствие знаний об обсуждаемом предмете, что не соответствует действительности: как следует из дальнейшего контекста, вопрос задан человеком, мастерски играющим на этом инструменте. Затем дистанцирование от предмета разговора эксплицитно выражается невербальным способом – отрицательным движением головы.

(б) «смещение объектива» может быть осуществлено применением широкого спектра тактик, ведущее место среди которых занимают такие тактики, как тематизация коммуникативной ситуации, изменение модальности суждения и перепрофилирование одной из составляющих предметной ситуации.

Тематизация коммуникативной ситуации имеет место при смещении фокуса внимания коммуникантов на какой-либо аспект коммуникативной ситуации, которая при этом приобретает статус метакоммуникативной, например:

We began to walk back towards the house. I sized him up, and said, "And I've met her twin sister."

He touched the powerful glasses round his neck. “I thought I heard a sub-alpine warbler. It is very late for them to be still on migration.” It was not exactly a snub, but a sort of conjuring trick: how to make the subject disappear (Fowles: 221).

Адресат инициального высказывания данного диалогического единства игнорирует предложенную ему тему (сестра-близнец) и тематизирует один из аспектов ситуации, в которой происходит общение (пение горной славки). Данная тактика, как свидетельствует комментарий адресанта, представляет собой «трюк фокусника, заставляющий предмет разговора раствориться в воздухе».

Аналогичный эффект наблюдается и при **изменении модальности суждения**:

“You know Germany?”

“It is not possible to know Germany. Only to endure it” (Fowles: 84).

Адресант инициального высказывания меняет суть обсуждаемой ситуации (знает ли он Германию) путем подмены фактической модальности суждения алетической модальностью (невозможность / возможность). Тем самым осуществляется переход от конкретной ситуации к обобщенной.

Под **перепрофилированием одной из составляющих предметной ситуации** понимается изменение концептуального фона (в терминологии Р. Ленекера, базы – *base*) [Langacker 2008, с. 66], на котором выделяется (или профилируется) соответствующий концепт (профиль – *profile*) [там же]. Примером перепрофилирования может служить омонимия, ситуативная неоднозначность слова, эвфемистичность наименования, образность и т.п. Рассмотрим пример:

“My name’s Kermit Smith,” the young man continued in a smooth blend of country and urban refinement. “I’m an attorney—”

“He was thrown out of the bar,” shouted a second man, walking the curb like a tightrope and failing, probably a function of the brown paper bag he clutched and the bottle of booze it surely contained. <...> His shirt collar was open and the knot of his tie was halfway down his chest.

“That’s my friend, for lack of a better word, MacKenzie,” Smith apologized to Charlie. “The bar he referenced is the Blarney Stone on Flatbush. Probably by now you’ve developed a theory as to which of us in fact was the problem” (Thompson: 11).

В этом фрагменте обыгрывается значение слова *bar* (1. бар; 2. коллегия адвокатов). В начале диалога один из участников говорит, что он адвокат. Вполне естественно, что в таком ко-тексте реплика его приятеля *He was thrown out of the bar* (1. его вышвырнули из бара; 2. его выгнали из коллегии адвокатов) получает прочтение «Его выгнали из коллегии адвокатов». Однако внешний вид этого приятеля (расстегнутый ворот рубахи, ослабленный галстук, бутылка спиртного, спрятанная в бумажном пакете) свидетельствует о том, что он только что вышел из бара; это подсказывает целесообразность иной интерпретации его высказывания – «Его вышвырнули из бара». Правильность этой интерпретации подтверждается последующим ко-текстом, где приводится название бара (*the Blarney Stone on Flatbush*). На первый взгляд, здесь имеет место шутливая перепалка двух приятелей, целью которой является позабавить себя и присутствующих. Однако, как становится очевидным из дальнейшего контекста, целью этой перепалки является притупить бдительность человека, присутствующего при этом разговоре, и приблизиться к нему на такое расстояние, чтобы безошибочно произвести смертельный выстрел из пистолета, спрятанного в бумажном пакете. Игра слов, в основе которой лежит смещение «объектива», подчинена, таким образом, цели отвлечения лица, присутствующего при разговоре, от столь важного для данной коммуникативной ситуации (покушение) параметра, как спрятанный от его глаз пистолет.

(в) «расфокусировка объектива» может осуществляться путем употребления **лексических ограничителей** (*hedges*), которые размывают границы экстенционального множества и тем самым ограничивают ответственность говорящего за содержание передаваемой им информации, например:

“She said you’d got rich.”

"Too bad she was lying" (Thomas: 157)

Адресант здесь не говорит прямо, что считает своего собеседника богачом, а дистанцируется от соответствующего утверждения (*you'd got rich*) путем указания на источник получения этой информации (*She said* – она сказала). Пропозитивное содержание высказывания *you'd got rich* не соответствует действительному положению дел, но его продуцент не может быть обвинен во лжи: вина ложится на человека, сообщившего говорящему заведомо ложную информацию.

"Well, she must've had her reasons."

"Such as?"

"How the hell would I know? Ask Colder."

"He says he thought she'd told me." It wasn't quite what Colder said, but Dill was interested in the old man's reaction (Thomas: 53).

Здесь имеет место «двойное дистанцирование», осуществляемое путем ссылки на источник информации (*He says* – он говорит) и экспликации модуса полагания (*he thought* – он подумал). Предметное содержание высказывания *She told me* (она сказала ему) здесь намеренно искажено.

«Расфокусировка» может осуществляться и на уровне **семантической пресуппозиции**, что достигается путем замены:

- **индивидуального референта коллективным**, например:

'Go on, admit it, Healey,' Heydon-Bayley said to Adrian <...> 'it was you wasn't it? That's what everyone's saying' (Fry: 76).

Пытаясь заставить собеседника признаться в том, что он является автором подпольного журнала, говорящий, однако, воздерживается от прямого обвинения. Вместо этого, он говорит, что таково всеобщее мнение. Его собственное мнение при этом не акцентируется, т.е. он дистанцируется от содержания высказывания.

- **конкретного референта абстрактным**, например:

People began to unload boilers and bedsteads and garden rollers on to us, and poor Tiger just took one look and sagged at his knees. His union wouldn't allow it, he said, and I had to hurl the things feverishly on to the pavement again before he lay down in the shafts (Dickens: 17).

Здесь говорящим является пони (персонификация), который, не желая перевозить тяжелый груз, заявляет, что ему запрещает это делать его профсоюз. Тем самым он выступает не как индивид, а как член определенной социальной группы, что представляет собой случай дистанцирования.

- **определенного референта неопределенным**, например:

CHUCK: I didn't want to tell you over the phone... but that certain party. You know who I mean... I found her here last night... she'd taken an overdose of sleeping pills.

SHELDRAKE: What? (Simon: 467).

Подчиненный звонит своему начальнику с сообщением, что любовница последнего пыталась покончить жизнь самоубийством. Говоря об этом, он употребляет референционно неопределенные высказывания (*certain party* – некое лицо; *You know who I mean* – Вы знаете, кого я имею в виду), поскольку не исключает возможности того, что их разговор может быть подслушан третьими лицами. Адресат, однако, прекрасно понимает, о ком идет речь.

Агенса может быть и полностью устранен из синтаксической структуры предложения. При этом характерны такие синтаксические трансформации, как:

- **пассивизация**, где адресат может соотнести позицию агенса больше, чем с одним референтом, например:

You told Susannah he was killed (Dailey: 302).

Здесь говорящий, употребляя глагол в форме пассива, сообщает лишь причину смерти женщины (убийство), умалчивая о том, кто именно является убийцей.

- **изменение переходности глагола**, например:

ANN: Why'd they take our hammock away?

KELLER: Oh, no, it broke.

MOTHER: What broke? He had one of his light lunches and flopped into it (Miller: 109)

Говорящий сообщает, что гамак сняли потому, что он порвался, дистанцируясь, таким образом, от события, активным участником которого он на самом деле был (порвал гамак, рухнув в него).

Таким образом, отстранение как наиболее типичная разновидность дистанцирования представляет собой разработку образ-схемы ВИДЕНИЕ в трех основных ракурсах, соответствующим «закрытию объектива», «смещению объектива» и «расфокусировке объектива».

Когнитивные операции схематизации и дистанцирования соотносятся с ситуациями разных типов – предметной и коммуникативной соответственно. Между ними, однако, наблюдается определенная зависимость, сущность которой заключается в следующем: чем дальше от наблюдаемого объекта находится наблюдающий его субъект, тем в более общих чертах этот объект предстает.

В целом, наблюдается следующая зависимость: употребление номинативной единицы с более конкретным значением сокращает дистанцию между субъектом и соответствующим компонентом коммуникативной ситуации, а употребление единицы с более общим значением, напротив, увеличивает ее. В то же время, более абстрактные единицы, как правило, лишены коннотаций, которые более характерны для гипонимов.

На этом основывается весьма распространенное в англоязычных культурах явление эвфемизации, которое иллюстрирует следующий пример:

He dialed in the combination, opened the safe, and extracted two passports. "Documentation for Rémy and myself. He then removed a thick stack of fifty-pound notes. "And documentation for you two."

Sophy looked leery. "A bribe?"

"Creative diplomacy. <...> A British customs official will greet us at my hangar and ask to board the plane. Rather than permitting him to come on, I'll tell him I'm travelling with a French celebrity who prefers that nobody knows she is in England – press considerations, you know – and I'll offer the official this generous tip as gratitude for his discretion" (D. Brown: 328).

Как следует из комментария повествователя, один из участников диалога приготовил деньги для подкупа таможенника, т.е. для взятки должностному лицу. Другой участник диалога тематизирует этот параметр коммуникативной ситуации, употребляя для данного социально порицаемого явления прямое наименование *bribe* (взятка). Собирающийся дать взятку участник диалога, однако, предпочитает эвфемистическую замену этой лексической единице с устойчивой отрицательно-оценочной коннотацией, а именно, лексему *tip* (чаевые) и перифрастический оборот *creative diplomacy* (творческая дипломатия). По сравнению со словом *bribe*, слово *tip* охватывает более широкий спектр референтов, а его негативная оценочность существенно ослаблена. Референциальная сфера перифрастического оборота *creative diplomacy* весьма размыта; на первый план в нем выступает положительная оценочность. Эвфемизация, таким образом, также представляет собой средство манипуляции, т.к. изменяет оценочность лексического фрейма с отрицательной на нейтральную или положительную.

У носителей английского языка имеются нормативные представления об уместной в той или иной ситуации степени детализации тематизированного объекта. Нарушение соответствующей нормы способно порождать инференции адресата, в том числе, и ложные:

Pepper, who called police on a cell phone, had not been linked to murder at this time (Baxter: 46).

Приведенное высказывание представляет собой заключительные строки газетного сообщения об убийстве. Семантической пресуппозицией предложенного оборота со значением темпоральной ограниченности *at this time* (в этот раз) является то, что положение вещей, обозначенное предикативной структурой *Pepper had been linked to murder* (Пеппер имела отношение к убийству), имело место в какое-то другое время, не в данной ситуации. Эта информация не только излишня: есть все основания расценивать ее как инсинуацию.

Выводы. Дистанцирование представляет собой разновидность когнитивной операции перспективизации, при которой субъект психологически отдаляется от / приближается к партнеру по коммуникации, сообщению, месту / времени коммуникации, коммуникативной ситуации в целом. В дискурсе дистанцирование коррелирует с когнитивной операцией схематизации / спецификации, влияя, таким образом, на вторичное конструирование. Данная корреляция, имеющая перцептивную основу, является сильным риторическим ресурсом, позволяющим говорящему, в частности, манипулировать собеседником. **Перспективным** направлением дальнейших исследований в этом направлении представляется изучение корреляции дистанцирования и эмотивности, евиденциальности и др. модусных категорий.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Ролан Барт ; [пер. с фр. Г. К. Косиков]. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Михаил Михайлович Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 476 с.
3. Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики / Николай Николаевич Болдырев // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С.38-50.
4. Волков В.В. Теория практик / Вадим Волков, Олег Хархордин. – СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.
5. Жаботинская С.А. Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики: интегративный подход / Светлана Анатольевна Жаботинская // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: Романо-германська філологія. – 2009. – № 848. – С. 3-10.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Елена Самойловна Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Кубрякова Е. С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания / Елена Самойловна Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: Сб. науч. тр. / Гл. ред. серии Е.С. Кубрякова; отв. ред. выпуска Н. Н. Болдырев. – М.-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 11-24.
8. Морозова О.І. Stance: позиція суб'єкта дискурсивної діяльності / Олена Іванівна Морозова // Вісник Київського національного лінгвістичного ун-ту. Серія філологія. – 2011. – Т. 14. – №1. – С.87-93.
9. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Людмила Олеговна Чернейко. – М.: Изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 1997. – 349 с.
10. Черниговская Т.В. Нить Ариадны и пирожные Мадлен: нейронная сеть и сознание / Татьяна Владимировна Черниговская // В мире науки. – 2012а. – №4. – С. 2-9. – Режим доступа <http://www.kiae.ru/akpab/akpab07.pdf>
11. Черниговская Т.В. Нить Ариадны или пирожные Мадлен: нейронная сеть, язык и память: ключевые фрагменты лекции Т.В.Черниговской / Татьяна Владимировна Черниговская // Бюлетень Української Асоціації Когнітивної лінгвістики і Поетики. – 2012б. – №2. – С. 2-8.
12. Bradac J.J. Three language variables in communication research: Intensity, immediacy, and diversity / James J. Bradac, John Waite Bowers, John A. Courtright // Human Communication Research. – 1979. – No 5. – P. 257-269.
13. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / Penelope Brown, Stephen C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
14. Croft W. Cognitive Linguistics / William Croft, D. Alan Cruse. – N.Y.: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
15. Feldstein A.P. Linguistic Non-Immediacy: Effects of Attitude, Cognitive Orientation, and Boundary Condition / Andrew P. Feldstein, Robert T. Craig. – Paper presented at the Annual Meeting of the Speech Communication Association N.Y., November 13-16, 1980. – 37 p.
16. Hampe B. Image schemas in Cognitive Linguistics: Introduction / Beate Hampe // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics // Ed. by B. Hampe. – B., N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 1-14.
17. Johnson M. The Body in the Mind: The bodily basis of meaning, reason and imagination. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 233 p.
18. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind / George Lakoff. – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
19. Langacker R.W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction / Ronald W. Langacker. – Oxford: Oxford, 2008. – 567 p.
20. Langacker R.W. Discourse in cognitive grammar / Ronald W. Langacker // Cognitive Linguistics. – 2001. – Vol. 12, №2. – P. 143-188.
21. Mehrabian A. Immediacy: An indicator of attitude in linguistic communication / Albert Mehrabian // Journal of Personality. – 1966. – No.34. – P. 26-34.
22. Trope Y. Construal-Level Theory of Psychological Distance / Yaacov Trope, Nira Liberman // Psychological Review. – 2010. – No 117(2). – P. 440-463.
23. Virtanen T. Text, Discourse and Cognition: An Introduction / Tuija Virtanen // Approaches to Cognition through Text and Discourse / Ed. by T. Virtanen. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – P. 1-16.
24. Wiener M. Language within language: Immediacy, a Channel in Verbal Communication / Morton Wiener, Albert Mehrabian. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1968. – 214 p.
25. Wittgenstein L. Remarks on the Philosophy of Psychology [electronic edition] / Ludwig Wittgenstein. – Oxford: Basil Blackwell, 1980. – Vol. 1. – Access: <http://www.nlx.com/collections/121>